

Франциска Тун-Хоенштайн

**В ЛАБОРАТОРИИ СОВЕТСКОЙ БИОГРАФИИ:
СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ», 1933–1941 гг.**

Читали ли Вы письма Чернышевского, изданные Ляцким? Какая трагическая книга и как «житиен» этот удивительный русский революционер. Да, можно писать «житие преподобного Николая Чернышевского». Иже во святых. Иже во святых¹.

Максим Горький, 1912

Чего мы ищем в нем? Великую могилу? — Нет. Великую вежу современности. Чернышевский — залог Октябрьской революции за шестьдесят лет до ее первого выстрела. Он не был ни марксистом в теории, ни коммунистом в практике, но путь его лежал только к Октябрю².

Лев Каменев, 1933

Между обоими высказываниями о Чернышевском, которыми я хочу начать свой доклад, лежат два десятилетия, в течение которых политические и социокультурные катаклизмы радикальным образом изменили облик России. Первая цитата взята из письма Максима Горького поэту и переводчику Александру Черемнову в 1912 г., вторая из предисловия Льва Каменева к его биографии Николая Чернышевского, вышедшей в рамках биографической серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ) в 1933 г. Сравнение обоих высказываний выявляет не просто различия двух индивидуальных взглядов на жизнь и образ Чернышевского, но позволяет, с моей точки зрения, учитывая изменившийся социокультурный контекст, выявить некоторые принципиальные моменты биографической коммуникации в первые десятилетия советской власти.

¹ *Горький М.* Письмо А.С. Черемнову от 19.9.1912 г. // Архив А.М. Горького. М., 1959. Т. VII. С. 113.

² *Каменев Л.* Чернышевский. М., 1933. Сер. Жизнь замечательных людей. Вып. XIII. С. 7.

Горький формулирует свой биографический интерес в 1912 г., прибегая к религиозной терминологии, приписывая Чернышевскому исключительную «житийность». За идеей описания его жизненного пути по модели агиографии (а тем самым и по заложенному в ней принципу *imitatio Christi*) кроется, правда, не столько (по крайней мере не только) субъективный горьковский восторг личностью Чернышевского, сколько очевидная социально-педагогическая цель: земной мученический путь «преподобного Николая Чернышевского» должен, безусловно, воспламенить читателя на собственное бескорыстное служение высшему делу. Каменев, в свою очередь, очень четко обозначает, что вектор его биографического интереса нацелен исключительно на эпоху современности. Личность Чернышевского служит ему скорее материалом для показа закономерности исторического развития России, с этой точки зрения неминуемо ведущей к победе Октябрьской революции.

Эта переакцентировка парадигматична. Она бросает свет, с одной стороны, на некоторые моменты генеалогии биографической серии ЖЗЛ, у истоков возрождения¹ которой в 1930-е гг. стоял Максим Горький, и, с другой — на внутреннюю связь конструктивных принципов биографий ЖЗЛ со сталинским историческим нарративом.

Литературные биографии (как, впрочем, и автобиографии) являются вне зависимости от специфики формы изложения «личностными смысловыми и ценностными моделями» (*personale Sinn- und Wertmodelle*)². Осмысление индивидуальной жизни в такого рода изображении всегда, даже в случае заведомо дистанцированного изображения избранного объекта биографического повествования, находится под влиянием доминирующей в обществе в момент написания биографии концепции личности и господствующего «дискурса персональности»³. Именно в силу того, что биография как жанр, как жизнеописание, имеет автора, изображаемый персонаж превращается в объект описания, подчиненный определенным прагматическим целям и интересам (со стороны самого биографа, а также как результат социального заказа, в большей или меньшей мере выполняемого каждым биографом). Биография поэтому, как отмечает

¹ Название серии «Жизнь замечательных людей» восходит к серии популярных биографий, публиковавшейся издателем Ф.Ф. Павленковым (1839–1900). В 1890-е гг. Горький высоко ценил эту биографическую библиотеку, прежде всего ее просветительский настрой, однако отмечал в своих замечаниях к плану издания серии в начале 1933 г., что «материал подобран случайно и лишен внутренней связи». См.: Архив А.М. Горького. М., 1965. Т. X: Максим Горький и советская печать. Кн. 2. С. 242–243.

² Scheuer H. Biographie // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Hg. v. Gert Ueding, Tübingen. 1994. Bd 2. S. 30.

³ Под «дискурсом персональности» я понимаю — вслед за Н. Плотниковым — спектр значений и семантическую эволюцию понятий «персональности», рассматриваемых в данном социокультурном контексте (с учетом факторов, влияющих на формирование значений таких понятий, как «личность», «субъект», «индивидуальность», «лицо», «я»; функций, выполняемых этими понятиями в данном контексте, и социальных групп, являющихся носителями этих понятий). Ср.: Плотников Н.С. Между «мрачным субъектом» и «светлой личностью». Понятия персональности в истории русской мысли (К постановке проблемы) // Новое литературное обозрение 2005. № 76. С. 7–13.

Евгений Добренко, — «это арест персонажа, операция по нейтрализации и инструментализации его жизненного опыта (который, лишь став биографией, имеет прагматический потенциал)»¹.

Любое (авто)биографическое моделирование индивидуальной жизни, по справедливому утверждению немецкого социолога Алоиса Хана (Alois Hahn), зависит от того, в какой мере индивидуум как член определенного социума подвержен в обществе определенным «процедурам» (практикам) изображения своей жизни и тематизации своего прошлого². Для обозначения социальных институтов, допускающих (авто)биографические тематизации — будь они публичными или тайными, добровольными или насильственными — или даже требующих их от каждого индивидуума, Алоис Хан вводит понятие «генераторы биографии» (Biographiegeneratoren)³. В качестве примеров он называет исповедь, дневник, мемуары или определенные формы показаний на суде. Эти дискурсивные формы определяют модусы (Modi) устной и письменной (авто)биографической коммуникации в обществе. Причем это относится и к тем случаям, когда налицо явное стремление к независимости от функции, связанной с данным модусом устной или письменной речи.

Социокультурный переворот в русском обществе после Октября 1917 г. был в частности связан с принципиальным пересмотром набора «генераторов биографии», действовавших в обществе. С первых лет советской власти вводились различные культурные практики взаимного контроля, в ходе которых каждый должен был раскрыть свое прошлое и свое отношение к новому политическому строю. Можно говорить о том, что насаждался своего рода «насильственный биографизм», целью которого была конструкция идеологически выверенной революционной автобиографии⁴ или же по меньшей мере перспектива превращения в «нового человека» — разумеется, лишь пройдя определенные ритуалы публичного «очищения», т. е. исповеди, самообвинения, раскаяния и признания собственных ошибок (в частности признания истинного социального происхождения — непролетарского, кулацкого, дворянского и т. п.)⁵. К самым радикальным

¹ Добренко Е. Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 119.

² Всякий литературный проект зависит от того, «насколько глубоко индивид с помощью организованных групп процедур мотивирован к представлению себя, к свидетельствованию о себе, к открытию своего внутреннего мира и к раскрытию своего прошлого» (Hahn A. Identität und Selbstthematization // Ders. Volker K. (Hg.). Selbstthematization und Selbstzeugnis: Bekenntnis und Geständnis. Frankfurt a. M., 1987. S. 11).

³ Ibid. S. 12.

⁴ Внутри аппарата политической власти этот процесс начался непосредственно после смерти Ленина. Борьба за право наследия поста во главе партии обернулась борьбой за «чистоту» революционной (авто)биографии. Ср., в частности: Tucker R. C. Stalin as Revolutionary. 1879–1929. A Study in History and Personality. London, 1974. Ch. 9: The Politics of Revolutionary Biography.

⁵ Ср., напр.: Hellbeck J. Einleitung // [Podlubnyj Stepan]. Tagebuch aus Moskau 1931–1939, übers. u. hg. v. Jochen Hellbeck. München, 1996. S. 9–73; Fitzpatrick S. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Dies. (ed.): Stalinism. New Directions. London; New York, 2000. P. 20–46; Hellbeck J. Writing the Self in the Time of Terror: Alexander

ритуализированным практикам автобиографической коммуникации при Сталине принадлежали публичные фиктивные самообвинения в ходе московских показательных процессов во второй половине 1930-х гг.

В действительности повседневной жизни советских граждан этот «насильственный биографизм» оборачивался, однако, скорее сокрытием, нежели раскрытием своей прошлой жизни, своего индивидуального жизненного опыта и своих переживаний¹. Будучи в конечном счете инструментом общественного контроля в целях формирования «нового человека», эти (авто)биографические практики приводили не к развитию личности, а к ее обезличиванию². Контроль над человеком распространялся и на образы исторических персонажей. Тесная связь между моделями литературной автобиографии и биографии становится очевидной на примере нормативной роли романа Николая Островского «Как закалялась сталь» (1932–1934). Предметом романа, первоначально задуманного как автобиографическое повествование, является воспитание и самовоспитание главного персонажа Павла Корчагина и превращение его в революционного героя и мученика. Роман можно читать как симптом: он свидетельствует о том, что литературное повествование о поиске собственной идентичности, восходящее к традициям европейского романа воспитания и образования, было сведено к самостилизации под идеологически востребованную биографию революционного героя. На примере литературного автопортрета Островского можно проследить становление модели советской монументальной биографии.

Симптоматично, что в течение 1930-х гг. из опубликованной литературы постепенно исчезали определенные формы автобиографического письма³. Ненормированная автобиографическая литература была исключена из канона социалистического реализма. Одновременно в официальной советской культуре, прежде всего

Afinogenov's Diary of 1937 // Laura Engelstein/Stephanie Sandler (ed.). *Self and Story in Russian History*. Ithaca; London, 2000. P. 69–93.

¹ Евфросиния Керсновская в своих воспоминаниях судит об этом процессе очень четко: «Автобиография, автопортрет... Мне казалось, что к обычным, рядовым гражданам это отношения не имеет. Автопортрет — это когда художник сам себя рисует, автобиографию пишет о себе писатель, поэт... Но чтобы все, буквально все писали автобиографии? Какая нелепость! Может, и автопортреты тоже? Но нет, это не нелепость. И даже не любопытство. Это способ человека заставить отречься от своего „я“ и надеть стандартную личину, как можно более благонадежную и верноподданническую, и эту личину носить всю жизнь, начисто забыв то, чем ты в действительности являешься» (*Керсновская Е.* Сколько стоит человек. М., 2000. Т. 1. С. 173).

² Тем не менее тезис Бориса Дубина о полной невозможности в культуре советского времени личности и об отсутствии личности как ценностной структуры требует, с моей точки зрения (в частности, принимая во внимание дневниковую литературу этого периода), специального разговора. Ср.: *Dubin B.* Von der Unmöglichkeit des Persönlichen in der sowjetischen Kultur. Zum Problem der Autobiographie // Hardt A., Plotnikov N. unter Rörig Mitwirkung von Anne. *Diskurse der Personalität. Die Begriffsgeschichte der ‚Person‘ aus deutscher und russischer Perspektive.* München, 2008. S. 497–507.

³ В начале 1930-х гг. еще были изданы автобиографические тексты некоторых представителей эпохи литературного модерна начала века, в частности «Охранная грамота» Бориса Пастернака (1931), «Полутораглазый стрелец» Бенедикта Лившица (1933) и изданный посмертно третий том мемуаров Андрея Белого «Между двух революций» (1934).

в литературе и кино, наблюдался очевидный количественный взлет биографических нарративов. Можно говорить, что произошел сдвиг от автобиографии в сторону нормированной биографии¹. И это не случайно, ибо жанр биографии в большей мере, чем автобиография, служит социально-педагогическим и воспитательным функциям и в силу этого более подвержен определенным нормативным системам.

Исходя из этого, я хочу в дальнейшем рассмотреть биографическую серию «Жизнь замечательных людей» 1930-х гг. как своего рода лабораторию, в которой выработывалась советская (в более узком смысле — сталинская) нормативная модель (литературной) биографии. С моей точки зрения, ЖЗЛ именно в 30-е гг. стала своеобразным «генератором биографии».

В январе 1933 г. вышел первый том новой серии биографий под названием «Жизнь замечательных людей» в московском издательстве «Журнально-газетное объединение», во главе которого в то время стоял Михаил Кольцов². Это была биография Генриха Гейне, написанная переводчиком и писателем Александром Дейчем. За полгода до этого, 5 июля 1932 г., «Литературная газета» сообщила об инициативе Горького по подготовке к выпуску серии биографических книг. В заметке была сформулирована программная цель серии: «Главная задача издания — дать подробный марксистский анализ той социальной среды, в которой великим людям приходилось жить и работать; показать их упорную и самоотверженную работу; выяснить различие положений человеческой личности в эпоху докапиталистических, капиталистических отношений и в период строительства социализма»³. Серия, подчеркивалось в объявлении, ориентировалась на определенного читателя — «на передовые слои рабочих, студенчество и актив нашего строительства»⁴. Приоритет воспитательных целей был настолько явным, что еще десятилетия спустя в советской прессе ЖЗЛ называли «огромным портретом осуществленного идеала человечества, его Положительного Героя, реально существовавшего и потому совершенно неопровержимого»⁵.

¹ Ср.: *Болдыт Ф., Сегал Д., Флейшман Л.* Проблемы изучения литературы русской эмиграции первой трети XX в. // *Slavica Hierosolymitana. Jerusalem.* N 3. 1978. С. 75–89; *Тартаковский А.* Мемуаристика как феномен культуры // *Вопросы литературы.* 1999. Январь-февраль С. 35–55, особенно с. 35.

² Публикация в этом издательстве обеспечивала книгам серии большие тиражи (судя по данным каталога 1976 г., в первые годы издания ЖЗЛ тиражи колебались от 30 до 50 тыс. экз.). В некоторых советских работах о ЖЗЛ указывается на тот факт, что биографическую серию первоначально предполагалось выпускать в других издательствах, в том числе в издательстве З.И. Гржебина и в издательстве Академии наук «Academia». Подробный анализ институциональной истории горьковской серии ЖЗЛ (организационных вопросов в отношении, в частности, цензурного контроля над рукописями или финансовой стороны этого издательского проекта) выходит за рамки данной статьи и потребовал бы более подробных и комплексных архивных разысканий. Ср. напр.: *Померанцева Г.Е.* К истории становления и развития серии «Жизнь замечательных людей» (1933–1941) // *Книга. Исследования и материалы.* Сб. XXVII. М., 1973. С. 92–118.

³ Цит. по: *Померанцева Г., Семанов С.* Предисловие // 40 лет ЖЗЛ. Каталог 1933–1973. М.: Молодая гвардия, 1976. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ *Полякова Е.* Делавшие жизнь. ЖЗЛ — книги о замечательных людях // *Новый мир.* 1971. № 9. С. 248.

В состав ответственной редколлегии с 1933 г., помимо Горького, который в это время жил в Сорренто, входили, например, академик Сергей Вавилов, Анатолий Луначарский, Михаил Кольцов. Организационное руководство ЖЗЛ было возложено на Александра Н. Тихонова (псевдоним Серебров), с которым Горький уже сотрудничал в нескольких других издательских проектах. С 1938 г. серия издавалась (и продолжает издаваться по сей день) в издательстве «Молодая гвардия»¹. На сайте ЖЗЛ, касаясь генеалогии серии, прежде всего подчеркивают последовательность этой «старейшей российской книжной серии»: Первоначально основанная Флорентием Павленковым в 1890 г., серия издавалась по 1915 г., а возобновленная Горьким в 1933 г., ЖЗЛ продолжала выходить даже в годы Великой Отечественной войны, правда, в измененном виде, превратившись в «скромно оформленную библиотечку» под названием «Великие люди русского народа»². Специально упоминаются заслуги издательства, ибо, будучи в ведении «Молодой гвардии», серия, как указано на сайте, пережила настоящий расцвет. При таком подходе скрадывается сам факт, что между биографическими проектами Павленкова и Горького произошла смена биографической парадигмы.

История серии (в том числе и ее генеалогическая связь с биографической серией Павленкова), меняющийся состав редакции, конкретное участие Горького в замысле новой серии биографических книг, в составлении издательского плана и в конкретной редакторской работе над первыми рукописями, а также вопросы общей организации издания в советское время не раз становились предметом исследовательского интереса³. Эти вопросы я затрону лишь мельком. Для того чтобы получить более полную картину функционирования ЖЗЛ в 1930-е гг. как своеобразной «биографической лаборатории», необходимо, конечно, более детально и комплексно изучить архивные материалы (прежде всего переписку членов редакции как между собой, так и с авторами биографий или рукописи со следами редакторской правки)⁴.

¹ Данная статья в более узком смысле посвящена ЖЗЛ 1930-х гг., тем не менее идеологически-назидательная функция всей серии сохранилась на протяжении всего сталинского периода и накладывала свой отпечаток на характер биографического повествования. Необходимо подчеркнуть, что в последующие десятилетия характер биографий изменился, возросли качественные — как в отношении исторической достоверности, так и в отношении литературности повествования — требования к биографическим повествованиям.

² Под этим названием в 1943 г. вышло 14 выпусков, а в 1944–1945 гг. серия стала называться «Великие русские люди» (тоже 14 выпусков). Книги военного времени были намного меньше по объему (если до войны от 130 до 300 с., то в годы войны — от 32 до 96 с.). С 1946 г. возобновилось название «Жизнь замечательных людей».

³ О меняющемся составе редколлегии, в которую в первые годы входили также, например, И. Грабарь, Н. Семашко, А. Фрумкин, см. например: *Померанцева Г., Семанов С.* Указ. соч. С. 5; *Непомнящая Т.* Максим Горький и «Жизнь замечательных людей» (К истории замысла) // Вестник МГУ. 1966. Вып. 3. С. 47–56; *Померанцева Г.Е.* Указ. соч. С. 92–118.

⁴ Я не имела возможность проделать эту работу, поэтому в дальнейшем могу опереться лишь на те немногочисленные материалы, с которыми я смогла ознакомиться в 1990-е гг. в архиве Горького в Москве.

Если взглянуть на биографии, изданные в тридцатые годы, то очевидно, что первоначальный, скорее просветительский замысел Горького, нацеленный на передачу знания (*Wissensvermittlung*), превратился в идеологически детерминированную программу воспитания советского читателя, формирования «нового человека». При этом в расчет новой ЖЗЛ входила сознательная ориентация на тривиализацию жанра биографии, причем как исторической, так и литературной¹. Отдельная личность, т. е. конкретный объект отдельной биографии, превращалась при этом в простую иллюстрацию предварительно утвержденного официозного исторического нарратива. Согласно этому телеологическому представлению об историческом процессе, победившая Октябрьская революция, а следовательно, и Советский Союз как воплощение нового общественного строя, получили статус венца и конца истории. Биографии служили созданию нормированного образа определенной исторической личности, вписываемой в этот нарратив². Всякие возможные отклонения в сторону субъективного авторского толкования индивидуального характера или разных перипетий на жизненном пути биографического персонажа, а тем более в сторону субъективных авторских суждений о ходе исторического процесса, либо пресекались уже в процессе редакторской работы, либо отмечались в рецензиях и в ходе «самокритики» редакции как дефекты. Биография оборачивалась скорее «правильным» — т. е. соответствующим определенным идеологемам — «марксистским анализом» той «социальной среды», в которой изображаемый «замечательный человек» жил и трудился. В результате за псевдообъективностью (*Scheinobjektivität*) исчезал не только герой биографии, но и ее автор. Или, говоря словами Добренко, налицо «арест» не только персонажа, но и автора биографии.

Редколлегия с самого начала работы очень четко осознавала возложенную на ЖЗЛ идеологическую функцию и связанные с ней проблемы и риск. Это можно проследить, например, на архивных материалах работы редколлегии, в частности, на материалах совещания редакции с авторами ЖЗЛ, которое состоялось спустя полтора года после выхода первой биографии, 4 июня 1934 г. в Москве. В своих дальнейших замечаниях я не раз буду возвращаться к этому совещанию, прежде всего к докладу Александра Тихонова. Подводя первые итоги новой биографической серии, Тихонов сослался на уже процитированную программу ЖЗЛ и расшифровал ее «установки» следующим образом: «Идеологическая выдержанность серии, правильный марксистско-ленинский подход к описанию событий и фактическая достоверность сведений, которые мы публикуем»³. Судя по

¹ Сравнительный анализ с биографическими проектами представителей формальной школы, прежде всего Юрия Тынянова, Виктора Шкловского и Бориса Эйхенбаума, выходит за рамки моего доклада, однако представляется мне нужным для того, чтобы получить более дифференцированное представление о смене биографической парадигмы от 1920-х к 1930-м гг.

² Борис Дубин, в частности, применительно к биографиям ЖЗЛ говорит о «серийных риторических» жанрах и подчеркивает, что документальность подобного жанра «по большей части фиктивна». Ср.: Дубин Б.В. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин Б.В. Обращенный взгляд // Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001 С. 103.

³ Совещание авторов при редакции серии. Стенограмма от 4 июня 1934 г. // Архив А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (далее: Архив

реакциям в прессе на изданные книги, добавил он, «как будто больших дефектов в нашей серии не имеется» (л. 3). Оценки Тихонова касались в первую очередь общего издательского плана серии, т. е. выбора «объектов» биографий, выполнения «читательского запроса» (под знаком доступности и занимательности), наиболее удачного типа биографии и литературного качества изображения. На этих вопросах стоит остановиться подробнее.

1. «Замечательные люди»

В течение 1933 г. в рамках ЖЗЛ, на которую была открыта подписка, вышло восемнадцать биографий, к моменту совещания (4 июня 1934 г.) — уже 21 книга, в том числе биографии Михаила Щепкина, Дмитрия Менделеева, братьев Райт, Ивана Сеченова, Жорж Санд, Джеймса Кука, Иоганна Гутенберга, Михаила Ломоносова, Николая Чернышевского, Данте Алигьери, Джонатана Свифта, Ильи Репина и Карла Либкнехта¹. Стоит сделать оговорку: во всех работах советского периода о ЖЗЛ две книги первого года издания серии (биографии Николая Чернышевского и Карла Либкнехта, написанные соответственно Львом Каменевым и Григорием Зиновьевым) были по известным причинам полностью табуизированы. Перечисляя в каталоге книги, соответствующие порядковые номера выпусков просто пропустили (выпуски не всегда совпадали с книгами).

Обращает на себя внимание не только международный, но и профессиональный состав «замечательных людей». В центре многих биографий стоят ученые, изобретатели и первооткрыватели. В течение первого года издания ЖЗЛ семь книг были посвящены писателям или поэтам, шесть — общественным деятелям, три книги — деятелям науки, две — деятелям техники и по одной — представителям театра, музыки и педагогики. Менее половины книг (восемь) составляли биографии деятелей русской истории и культуры. Эти чисто статистические соотношения между представителями разных областей науки и культуры на протяжении первых лет издания ЖЗЛ оставались более или менее неизменными.

Сравнение этого набора биографических персонажей с первоначальным горьковским замыслом издания серии биографий в годы Первой мировой войны свидетельствует о сходстве проектов. Горький намеревался тогда представить международный пантеон выдающихся деятелей науки, искусства, литературы и общественной жизни, чтобы после катастрофы войны «восстановить в сердцах детей веру в человечество»². Серия должна была, по его убеждению, соединить лучших авторов Европы и тем самым стать символом сохранения общеевропейских культурных взаимосвязей. В поисках авторов он обращался, в частности,

А.М. Горького ИМЛИ РАН), КГ изд. Ф. 17. Оп. 9. Д. 3. Л. 1. (Далее ссылки на доклад Тихонова — номера листов — размещены в тексте в скобках. — Ф. Т.-Х.) Протокол дискуссии в этих материалах отсутствует.

¹ Не менее интересно было бы изучить состав авторов биографий, опубликованных в первые годы издания ЖЗЛ.

² Письмо А.М. Горького Герберту Уэллсу. Конец декабря 1916 г. [Начало января 1917 г.] // Горький А.М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 373.

к Герберту Уэллсу с просьбой написать «Жизнь Эдисона», к Ромэну Роллану — «Жизнь Бетховена», к Фритьофу Нансену — «Жизнь Христофора Колумба», к Хаиму Бялику — «Жизнь Моисея», к Ивану Бунину — «Жизнь Сервантеса», а сам собирался написать «Жизнь Гарибальди». Жанр биографии особенно соответствовал горьковскому замыслу, ибо во главу угла ставились рассказы о реально прожитых жизнях, о необыкновенных жизненных путях, способных, по мнению Горького, снова пробудить в людях «социальный романтизм»¹.

Однако этот проект тогда остался нереализованным, как, впрочем, и другие похожие по объему и охвату исторического материала попытки Горького издать в первые послереволюционные годы разные серии книг (типа «Жизнь мира»). Все эти издательские проекты преследовали педагогическую цель передачи знаний о всемирном развитии человечества широким массам населения, причем по возможности публикуя книги в правильной хронологической последовательности — в соответствии с горьковским телеологическим пониманием исторического процесса. Планы такого рода изданий напоминали бесконечные именные списки. Корней Чуковский, близко сотрудничавший с Горьким в издательстве «Всемирная литература», отметил в 1919 г. в своем дневнике: «Думаю, что вся его огромная и поражающая эрудиция сводится именно к этому — к номенклатуре. Он верит в названия, в собственные имена, в заглавия, в реестр и каталог»².

Это стремление к систематизированной, назидательной программе передачи знаний посредством биографий заставило Горького, в частности, в 1934 г. сетовать по поводу слишком длинного списка имен, лишённого внутренней связи и в этом смысле повторяющего скорее случайный набор биографических персонажей Павленкова. А новая серия должна, скорее, по его словам, показать, как бытие влияет на сознание и как сознание революционизирует бытие. Горький настаивал на том, чтобы включить в план серии биографии «крупнейших основоположников научного миропонимания» и предлагал группировать биографии в маленькие серии, посвященные представителям определенных наук, литературы и т. п.³

Затрагивая в ходе совещания 1934 г. вопрос о выборе биографических «объектов», Тихонов пытался доказать, что ощущение случайности состава неверно и что со стороны редакции существует долгосрочный план, который она систематически выполняет. В качестве явного «дефекта» он указал на то, что в центре биографий стоят лишь русские или западноевропейские деятели культуры, а «востока нет» (л. 2). Эта ситуация в последующие годы не изменилась. Из 110 или 115 книг, изданных в 30-е гг. (их количество в разных каталогах варьируется), по моим подсчетам, лишь пять были посвящены представителям восточных культур или культур на стыке Запада и Востока: армянский писатель Хачатур

¹ Там же. С. 373–374.

² Чуковский К. Дневник 1901–1929. М., 1991. С. 110.

³ К тому же он предложил выпустить в рамках ЖЗЛ сборник на тему «Личность в истории», в котором в качестве тех «буржуазных» концепций личности, от которых следует отказаться, должны были быть представлены «крайние учения» Карлейля, Лаврова или Ницше. Идея эта, однако, не нашла поддержки и не была реализована (*Горький А.М.* Замечания к плану изд. серии «Ж.З.Л.» 1934 г. // Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. Пл. Г. Ф. 1. Оп. 45. Д. 1. Л. 1).

Абовян¹ (1934, автор В.А. Ваганян); тюркский поэт Намык Кемаль² (1935, автор В. Стамбулов); руководитель иранского освободительного восстания на территории нынешнего Азербайджана Бабек³ (1935, автор М. Томара); грузинский поэт Шота Руставели⁴ (1937, автор Д.С. Дандуров), а также филиппинский писатель Хосе Ризаль⁵ (1937, авторы А.А. Губер и О.К. Раковская).

Все пять биографий не случайно посвящены историческим лицам. На их примере можно было продемонстрировать, как представители разных эпох и культур служили делу борьбы за национальное освобождение своего народа или за создание своей национальной культуры. Этот интерес к процессам национального возрождения происходил в контексте очевидной переориентации советской идеологии второй половины 1930-х гг. на национальную парадигму. По аналогии с культом политического вождя, культ личности в области культуры был связан с интронизацией родоначальников национальных культур Советского Союза. На роль такого рода «культурных героев» со стороны политической власти чаще всего выдвигались давно уже умершие поэты или писатели, которые служили удобным материалом и инструментом для создания идеологически выверенных национальных нарративов. С этой целью в 1930-х гг. на всесоюзном уровне отмечались, в частности, юбилеи Низами, Александра Пушкина, Шоты Руставели и Тараса Шевченко. Чем раньше жил данный представитель национальной культуры и соответственно чем меньше было о нем известно, тем легче было сконструировать правильный с точки зрения доминирующих идеологем образ советского и одновременно национального «культурного героя». Жизнеописание исторического лица, как можно проследить, в частности, на материале биографии Руставели, превращалось порой в чистую фикцию. По верному замечанию Евгения Добренко, в сталинское время «национальная проблематика полностью занимает поле исторического фантазирования»⁶. Такого рода «фантазирование» роднило жанр биографии с историческим романом сталинского периода и, как показал Е. Добренко, с появившимся в 30-е гг. своеобразным жанром советского биографического фильма.

Не менее важную роль для выбора «замечательных людей» играло стремление к сближению прошлого с настоящим⁷. История в советской идеологии сталинско-

¹ Армянский писатель Хачатур Абовян (1809–1848) считается основоположником современной армянской литературы.

² Тюркский поэт и писатель Намык Кемаль (1840–1888) оказал большое влияние на политическое движение «Новых османов».

³ Бабек (около 789–800 — 838) был руководителем иранского восстания против Арабского халифата на территории, ставшей столетия спустя частью советского Азербайджана.

⁴ Книга о Руставели (около 1172 — около 1216), авторе поэмы «Витязь в тигровой шкуре», была приурочена к его 750-летию, официально отмечавшемуся в конце 1937 г. (по образу Пушкинского юбилея) и преследовавшего цель создания грузинского национального героя советского покроя.

⁵ Хосе Ризаль (Ризаль, 1861–1896) получил широкое образование в Европе, был казнен за подготовку восстания против испанского господства на Филиппинах.

⁶ Ср.: Добренко Е. Указ. соч. С. 59.

⁷ Горький, прочтя рукопись о Джеймсе Куке, подчеркнул: «В каждой книге, выпускаемой нами, мы должны всюду, где это возможно, сближать явления прошлого с на-

го времени понималась как реальность, созидавшаяся на практике социалистического строительства собственными руками¹. В этом смысле прошлое превращалось в предысторию настоящего. В основе советского исторического сознания лежал «принцип перманентного исторического синтезирования»², отбора подходящих для новой картины сценариев и исторических личностей. При таком подходе все предыдущие эпохи получали статус материала, допускающего соответствующую обработку со стороны «диалектического материализма», т. е. приводящегося в соответствие с основными идеологемами времени. Жанр биографии исторической личности на стыке историографии и литературы как нельзя лучше соответствовал характерной для исторического нарратива 30-х гг. тенденции к персонализации истории. К тому же жизнеописание — под знаком художественности и «занимательной» формы изложения — предоставляло необходимую свободу для «исторического фантазирования» соответственно требованиям идеологии. Первые биографии ЖЗЛ создают впечатление, будто «замечательные люди» всех времен и народов, которые участвовали в борьбе за свободу своих народов (а иногда и жертвовали своей жизнью), тем самым способствовали развитию творческих сил всего человечества и — следуя логике советского исторического сознания — в конечном счете подготавливали победу Октябрьской революции.

Можно было ожидать, что особо почетное место в этом пантеоне «замечательных людей» будет отведено революционерам, стоявшим у истоков русского революционно-демократического движения, первым большевикам. Однако такого рода биографии практически отсутствовали. Поэтому в 1935 г. на совещании редколлегии специально обсуждался вопрос о «введении в план издания биографий современных нам революционных деятелей». Под рубрикой «поставили» в протоколе записано: «Включить в план биографии старых большевиков — подпольщиков: Фрунзе, Кирова, Свердлова, Иннокентия, Шелгунова, Заломова (предложение А.М. Горького)»³. Однако ситуация не изменилась и после данного постановления. И это не случайно. Предложенные в постановлении фигуры большевиков, видимо, были настолько близки к современности, к борьбе за власть в непосредственном окружении Сталина, что рассказ об их жизни в рамках ЖЗЛ мог обернуться слишком рискованным проектом для редакции и для авторов биографий. Изложение политических убеждений, противоречий или мнимых ошибок таких революционеров, как Желябов, Бабёф и Дантон оказывалось намного более простым и безопасным делом.

Предложенные Горьким и упомянутые в протоколе последние три имени не столь известных большевиков указывают одновременно и на то, что «замечательные люди», в понимании Горького, не обязательно были равны великим, т. е. наиболее известным историческим личностям. Согласно горьковскому

стоящим». (*Горький А.М.* Отзыв о рукописи «Дж. Кук» (30.4.1933) // Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. ОРГ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 1. Л. 1).

¹ Ср. характерное в этом смысле название статьи Е. Поляковой о ЖЗЛ: «Делающие жизнь».

² *Добренко Е.* Указ. соч. С. 41.

³ Протокол от 11 марта 1935 г. // Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. КГ изд. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2.

«социальному романтизму», каждый человек мог стать героем и именно советское общество, в котором «поставлено целью равномерное культурное воспитание всех единиц»⁴, предоставляло каждому как необходимые, так и наиболее благоприятные условия для этого:

Для меня всякая толпа — сборище кандидатов в герои. <...> Поэтому каждый герой — социальный феномен, педагогическое значение коего весьма ценно. Желать быть героем — это значит желать быть больше человеком, чем ты есть.

В сущности же каждый человек в своей области уже герой, если внимательно всмотреться в густоту тьмы этой области. Мы все родились и живем героями. И когда это будет понято большинством — жизнь станет насквозь героической⁵.

Следуя этой логике, каждый советский гражданин потенциально мог, да и должен был стать «замечательным человеком». Для этого ему надлежало — не в последнюю очередь на примерах героев ЖЗЛ — сформироваться в «нового человека» и быть готовым к самоотверженному служению коллективному делу построения светлого будущего. При таком взгляде исчезала неповторимая индивидуальность каждого человека, его индивидуальный жизненный опыт не вмещался в стандартизированный портрет одной, пусть и «замечательной», «единицы» советского народа.

2. На службе у советского читателя

Изначальная назидательность ЖЗЛ имела в виду совершенно определенного адресата. Социальный заказ на биографии «замечательных людей» был ясно обозначен: издание, по словам Тихонова на совещании 1934 г., имело целью познакомить прежде всего «молодежь Союза Советов» с жизнью крупных мастеров буржуазной культуры, «энергия которых создала неоспоримые культурные ценности, изменила какие-то бытовые традиции» (л. 2). Всякая ссылка на читателя обычно сопровождалась характеристикой «наш» или «наш советский» и расшифровывалась Тихоновым, как «массовый рабочий, рабочий интеллигент и даже колхозник» (л. 8). Стратегия, нацеленная на обучение и воспитание читателя, т. е. превращающая его в объект целенаправленного воздействия⁶, оборачивалась прямой зависимостью писателя от предварительно зафиксированных качественных требований к тексту, выдаваемых за читательские запросы. Так, например, Горький в отзыве на рукопись Александра Дейча о Гейне, в общем одобрил ее и подчеркнув, что автор

⁴ Доклад А.М. Горького о советской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934 г.: Стенограмма. М., 1934 (1990). С. 13.

⁵ Горький А.М. [О толпе и герое] // Архив А.М. Горького. М., 1969. Т. XII. С. 113–114.

⁶ Евгений Добренко обозначил процесс воспитания читателя, превращенного в советской культуре из реципиента в «объект воспитания», по аналогии с известным лозунгом «перековки человека» термином «формовка советского читателя». Ср.: Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. В частности, с. 11–15.

«умеет рассказывать», специально остановился на читательском запросе: «Наш читатель требует очень внимательного отношения к нему, ибо у него мало времени для книг, и процесс чтения нужно всячески облегчать для него. Чтение для него пока еще — труд, а не удовольствие»¹. А Тихонов на совещании назвал в качестве главных требований редколлегии к рукописям «общедоступность и занимательность изложения» (л. 7), специально оговорив при этом, что многие авторы слишком часто употребляют иностранные слова.

Согласно программе биографии должны были предоставить читателю «подробный марксистский анализ» той социальной среды, в которой жили «замечательные люди», и одновременно быть в состоянии увлечь его примером «живого лица». На задней обложке одного из первых выпусков ЖЗЛ — книги Зенкевича о братьях Райт (1933 г.) — напечатан рекламный текст, в котором подчеркивается, что каждая биография новой серии будет изложена «в живой увлекательной форме» и снабжена «иллюстрациями научного и бытового характера».

Ссылаясь на то, что «заказ» читателя на занимательность не выполняется, Тихонов предложил использовать «опыт Цвейга, Павленкова и французов», имея в виду прежде всего биографические романы Андре Моруа (л. 9). Перечисление любопытно, ибо в один ряд поставлены совершенно несовместимые биографические модели. Слова Виктора Шкловского, сформулированные им несколько лет спустя в рамках дискуссии о проблемах биографии на страницах журнала «Детская литература», читаются как своеобразный отклик на этот совет Тихонова: «Учиться писать биографии нам надо не у Цвейга. Учиться надо у самого себя. Кое-что мы уже делать умеем»².

Если вопрос о занимательности книг ЖЗЛ следует рассматривать в контексте характерного для советского исторического нарратива сближения с литературой, то под знаком полезности для читателя обсуждался вопрос о правильной модели биографии. Тихонов критиковал сознательное, а иногда и бессознательное желание многих авторов «развенчать личность» (л. 5), указывая на пагубное влияние такой установки на читателя. Приводя пример биографии Дантона историка Цви (Григория) Фридлянда, он подчеркнул, что Дантон изображен как представитель мелкой буржуазии, как оппортунист, и только: «Когда я прочел первый раз эту книжку, мне было совершенно непонятно то сообщение, которое автор делает в конце книги, а именно, что только Советский Союз оценил полностью Дантона и поставил ему памятник. Получилось впечатление такое, что если читатель поверит этой книжке, он пойдет и разобьет этот памятник» (л. 5).

Тихонов, возвращаясь в своем заключительном слове к вопросу о личности и конкретно к биографии Дантона, резко критиковал Фридлянда, в частности он выступил против высказанного автором убеждения, что «нам» надо «раскулачивать» целый ряд «так называемых великих людей» (л. 14)³. Необходимый, по убеждению Тихонова, пересмотр с точки зрения ленинизма целого ряда репутаций в ходе

¹ Горький А.М. Отзыв на рукопись Дейча А. «Г. Гейне» от 4 января 1933 г. // Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН, ОРГ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 1. Л. 1.

² Шкловский В. Судьба и счастье // Детская литература. 1940. № 3. С. 10.

³ Эту атаку на позицию Григория Фридлянда (1896–1937), известного советского историка, необходимо подробнее изучить в контексте начавшегося в середине 1930-х гг. прин-

совещания опять-таки обсуждался со ссылкой на полезность опубликованных биографий для читателя. Недостатки или промахи «замечательных людей» не нужно, конечно, «замазывать», подчеркнул А. Тихонов, но цель биографа должна состоять в том, чтобы «установить пропорциональность этих дефектов» по отношению к «общему облику человека» (л. 16). Вопрос о том, что полезнее для современного читателя — «показать ли, как Дантон воровал и распутничал, или показать, как Дантон на определенном отрезке революции вел за собой французскую демократию, французскую мелкую буржуазию» (л. 16) — носил со стороны Тихонова чисто риторический характер. Тем не менее вопрос этот подводит непосредственно к вопросу о модели биографии, наиболее соответствующей социальному заказу с позиции редколлегии ЖЗЛ 1930-х гг.

3. Биографии

Прежде всего редколлегия стояла на страже выполнения идеологического задания. Многие дефекты, касающиеся качества изложения и показа личности, сам Тихонов объяснял тем, что авторы часто должны были устанавливать идеологическую концепцию книги «на свой страх и риск» (л. 3), ибо они выступали первопроходцами и не могли опереться на уже написанные работы. Редакция видела в качестве главного недостатка уже вышедших к июню 1934 г. книг, что чаще всего результатом работы была не биография, ибо «живой биографии, живого лица в серии нет, за редким исключением» (л. 4). Ряд авторов, по словам Тихонова, топили личность в эпохе, в многообразии фактов, в силу чего личность в конце концов пропадала: «Сплошь и рядом в нашей серии фигурировали отвлеченные исторические категории и тенденции, без учета конкретной обстановки, без показа живых носителей этих тенденций. <...> Иногда это приводило к потере чувства исторической дистанции. Сплошь да рядом оценка какого-нибудь деятеля давно прошедших веков производилась с точки зрения сегодняшних моральных концепций и позиций» (л. 4).

Подчеркивая малую занимательность изложения и разноречивой в литературных и стилистических приемах, Тихонов различил четыре типа литературной формы биографий:

1. На первом месте он назвал «тип монтажный», состоящий преимущественно из монтажа цитат, причем «автор предпочитает не делать выводов» и «прячется за документами». В качестве примеров он привел биографии Бабёфа, Репина и Дантона. Этот тип, по словам Тихонова, был наиболее распространен, но «должен быть отклонен, ибо этим книгам не хватает динамики» (л. 10).

2. Второй тип — «психологический эссе» — на примере биографии Жорж Санд оценивался также отрицательно как «не подходящий для нашего читателя». В качестве причины Тихонов указывал на то, что книжка «изобилует субъективизмом оценки» и слишком мало исторически проверена, к тому же преобладает изображение любовных отношений (л. 10).

ципиального отмежевания от исторической школы Михаила Покровского (1868–1932), учеником которого был Фридлянд.

3. Третье место в краткой типологии Тихонова было отведено книге «с большой дозой беллетристики, вымысла». В качестве примера приводилась биография Иоганна Гутенберга (автор В. Проскуряков, 1933), в которой «фактическая основа переплетается с беллетристической, очерком и переслаивается политическими выдуманностями речами». В качестве главного аргумента опять приводилась ссылка на специфику «нашего читателя»: «Это очень сложная конструкция, и до нашего читателя она не дошла уже по одному тому, что наш читатель доверчив и мало искушен в литературных тонкостях. Он не разбирает — где вымысел, а где факты, и что было и чего не было» (л. 10).

4. Четвертый тип биографий, по словам Тихонова, являлся, с одной стороны, художественно-публицистическим, а с другой — научным очерком. В качестве примера он назвал жизнеописание Чернышевского, «где удачно сочетался анализ эпохи во всей сложности экономических и политических взаимоотношений с показом личности самого Чернышевского. Показаны его и политические, и некоторые моральные дефекты, но показаны так, что они не умаляют общего обаяния его личности» (л. 7). По мнению Тихонова, выражавшего позицию редколлегии, именно этот тип биографии следовало развивать.

Приведенные аргументы лишь на первый взгляд являются чисто литературными. За ними проступает воспитательная функция ЖЗЛ как «один из методов культурного воспитания нового человека, это один из методов социалистической перделки человека, один из методов создания нового общества» (л. 13). Подчеркивая в предисловии к биографии Чернышевского, что он намерен рассказать, «как и почему в этой стране стал неизбежен Октябрь»¹, Лев Каменев раскрывает исконно политическую цель биографического проекта ЖЗЛ. В отзывах о рукописях сплошь и рядом подчеркиваются издержки «по части идеологии», которые, как Тихонов сообщает в письме Горькому, в частности касаясь рукописи Каменева о Чернышевском, «придется поправить»².

Из внутренних отзывов и рецензий становится очевидным, что Сталин всегда невидимо присутствует в качестве первого читателя и критика. В качестве примера можно привести следующие слова из письма Тихонова Горькому о биографии Наполеона (1936), написанной историком Евгением Тарле³: «Книжка, по-моему, вышла интересная, но опять очень рискованная. „Хозяин“ сказал, что он будет ее первым читателем. А вдруг не понравится?! Амба!»⁴. Еще в 1933 г. Тихонов пожаловался Горькому на то, что даже самые талантливые авторы «невежественны и беззаботны в области социально-политических проблем», указывая при этом на посылаемую ему рукопись Михаила Булгакова

¹ Каменев Л. Указ. соч. С. 7.

² А.Н. Тихонов — А.М. Горькому (1933) // Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН, КГ-п. Ф. 77. Оп. 1. Д. 34. Л. 2

³ Более подробно о биографии Наполеона Евгения Тарле см.: Кен О. Между Цезарем и Чингисханом: «Наполеон» Е.В. Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х гг. // Клио. 1998. № 3. С. 67–83. Автор статьи указывает на то, что замысел этой биографии возник у самого Сталина или в его окружении и что Тарле получил задание Кремля.

⁴ Письмо А. Тихонова Горькому от 27 апреля 1936 г. // Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН, КГ-п. Ф. 77. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

о Мольере¹. История этой несостоявшейся публикации хорошо известна: написанная специально для ЖЗЛ «Жизнь господина де Мольера» была Тихоновым оценена резко отрицательно. Горький присоединился к этой негативной оценке, и рукопись Булгакова была отклонена.

Биография Каменева о Чернышевском в докладе и в заключительном слове Тихонова названа самой удачной биографией серии. Каменев в своем изложении жизни Чернышевского стремился с первой страницы создать образ человека, с детства целенаправленно воспитывающего в себе революционера. Страсть Чернышевского к знаниям приводит Каменева к такому заключению: «Его голова была действительно замечательно организована»². Биограф приписывает своему герою способность правильной — с точки зрения марксистской прагматики — систематизации всего прочитанного, более того, всего мирового знания:

История учебы Чернышевского есть история отбора из сокровищницы человеческой мысли того, что было на потребу рождающейся русской революционной мысли, история вытеснения из его сознания рабских понятий и чувств, привитых средой, школой и церковью, история формирования и идеологии русского разночинца, связанного с закабаленной феодализмом крестьянской массой³.

А общий вывод о человеческом подвиге Чернышевского сформулирован уже непосредственно в риторических формулах перековки и воспитания в «нового человека»: «Так упорной работой над собой, над итогами человеческой мысли, над фактами развертывающейся перед ним борьбы русских крестьян и европейских рабочих выковал в себе Николай Чернышевский мыслителя и революционера»⁴.

Последнее предложение жизнеописания Чернышевского в этом смысле может служить символом и квинтэссенцией нормативной модели советской биографии, выработанной именно в лабораторном эксперименте ЖЗЛ: «Когда в Саратове 17 октября 1889 г. умирал Чернышевский, в Самаре девятнадцатилетний Владимир Ульянов уже работал над организацией революции, осуществившей мечты и надежды великого мыслителя и борца»⁵.

По иронии судьбы именно книга Льва Каменева о Чернышевском, названная в июне 1934 г. лучшей биографией ЖЗЛ, вскоре была изъята из продажи и из библиотек и на десятилетия полностью табуизирована.

¹ А.Н. Тихонов — А.М. Горькому (1933) // Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

² Каменев Л. Указ. соч. С. 24.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же. С. 167.